

А. Ф. Журавлев

ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ

STUDIA PHILOLOGICA

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Ф. Журавлев

ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 811
ББК -3*81.2
Ж 91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 16-04-16026

Рецензенты:

чл. корр. РАН д-р филол. наук А. Е. Аникин,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян

Журавлев А. Ф.

Ж 91 Эволюции смыслов. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 472 с.

ISBN 978-5-9907947-5-7

Книга включает работы, касающиеся различных аспектов славянской лексической и фразеологической семантики. В первом разделе представлены исследования, посвященные связям языка и культуры: отражению в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкции фрагментов ранней картины мира и ценностных категорий, явлению наивного этимологизирования, межкультурным конфликтам при переводе и в словарной интерпретации инокультурных (диалектных) фактов и др. Второй раздел образуют статьи по славянской этимологии — конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований. Статьи третьего раздела посвящены выявлению и анализу славяно-неславянских семантических параллелей (мифологические образы, символика чисел, мотивация и метафорические сдвиги, фразеология). Работы, публиковавшиеся ранее, существенно расширены за счет нового материала и усиления аргументации.

Издание адресовано лингвистам и историкам культуры, но представляет интерес и для более широкого круга читателей.

*При оформлении обложки использован
картон Павла Филонова «Животные» (1925—1926)*

УДК 811
ББК -3*81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9907947-5-7

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Журавлев А.Ф., 2016

Содержание

От автора	7
-----------------	---

Слово в контексте культуры

Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира	11
Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики	39
Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики	65
К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)	85
Диалектный словарь и культурные реконструкции	97
Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над источниками мифологизма А. Н. Афанасьева)	111
Кто такой <i>царь Горох</i> ?	125
<i>Сушец пеку</i> , или Как лечили худосочие	131
Российская городская геральдика и наивная этимология	137
О русских коллективно-региональных прозвищах	
1. Русская «микронимия» и этническое самосознание	151
2. Этнография в прозвищах	154
3. Диалектология в прозвищах	159
Фонетика бесовской речи (на восточнославянском материале)	165
<i>Новый</i> : от местоимения к местоимению	183
О смысловых и коннотационных потерях в межкультурных трансляциях	
Очерк первый. <i>Один, ничаво, славный юнга и Райзман с Коганом,</i> или К вопросу об истоках северновеликорусской икоты	193
Очерк второй. <i>Все боги, жена монаха и конь, имеющий копыта,</i> или Как из кислого молока делают свежее	210

Этимологии

Интуиция этимолога	229
По поводу <i>истины</i> (семантикотипологический комментарий)	247
К этимологии слав. <i>*vorb-</i> 'птица Passer, воробей'	261

Русск. <i>двужильный</i>	267
Об этимологии русск. <i>детинец</i> 'крепость'	271
Русск. <i>парень</i>	279
Слав. * <i>ъьskra</i> . Русск. <i>искромётный</i>	289
Укр. <i>гарний</i> , белорус. <i>гарны</i>	295
К этимологии русск., укр. <i>олух</i> (и русск. <i>лох</i>)	299
Взвешивание конкурентных мотивационных версий в этимологической практике (о слове <i>валун</i>)	303
Из мелких поправок и уточнений к ЭССЯ	311

Параллели

Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (к символике чисел)	
1. <i>Троян</i>	323
2. 'Сорок'	328
3. Русск. диал. <i>оплетай</i>	334
<i>Ой дид-ладо</i> и его аналогии	337
Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica)	345
О некоторых «конских» мотивах в осетинской и восточнославянской фитонимии (названия подорожника и др.)	419
<i>Дурака кусок</i> : <i>xæjraægъ xaj</i> (об одной славяно-осетинской фразеологической параллели)	423
Библиографические сокращения	427
Справка о первых публикациях	465

От автора

«Если хотите что-то понять, читайте Фасмера». Эту фразу давно, в какой-то беседе с юными лингвистами, желавшими заняться связями языка и народной культуры, полушутливо произнес Никита Ильич Толстой, вообще не склонный к назиданиям и прямому учительству. «Понять что-то» означало «прикоснуться к основам мироустройства — как оно отражается в человеческом сознании (и иным быть не может)», а за именем «Фасмер», выбранным с известной условностью, принадлежащим для русиста к числу, как сейчас принято говорить, знаковых, стояла довольно простая мысль. Причины мироздания, внутренние зависимости, которые обеспечивают его устойчивость, воплощены в устройстве слова, и познание этимологических начал, межсловных связей, мотивов, положенных в основу имени, изменений, которым во времени подвергается содержательная сторона слова, приближает нас к искомому.

В предлагаемой книге собраны некоторые работы, отражающие интерес автора к исторической и сопоставительной лексической семантике в разных ее преломлениях. Основным материалом для наблюдений и построений служит лексика славянских языков. Вошедшие сюда статьи объединены дорогой для автора мыслью, что язык представляет собою неразрывное единство — субстрат культуры и одновременно ее орудие, средство овладения миром.

Раскрытию этих связей служат, каждый по-своему, три образующих книгу раздела:

Слово в контексте культуры (членение универсума в лексиконе; язык в качестве исторического свидетельства: отражение в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкция через показания языка раннеславянской системы ценностных категорий, диалектный словарь как источник «тонкой» этнографической информации; наивное этимологизирование как культурный феномен; межкультурные конфликты в практике перевода и в словарной интерпретации диалектных фактов и др.);

Этимологии (конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований);

Параллели (выявление межъязыковой изосемии в лексике и фразеологии как база семантической типологии, с одной стороны, и как сильный инструмент в системе этимологических доказательств, с другой; наблюдения над общностью мифологических образов, символикой чисел, параллелями в мотивах номинации и метафорических сдвигах; наиболее подробно в разделе представлены осетино-славянские семантические схождения).

Работы, включенные в настоящее издание, писались и публиковались на протяжении трех с половиной десятилетий. Понятно, что многое в прежних текстах со временем потребовало уточнений и поправок, даже смещения акцентов. Практически все статьи подверглись доработке, расширению за счет нового материала и усиления аргументного начала, иной раз такое вмешательство приводило к формированию по сути новых текстов.

И при написании первоначальных версий, и при переработке статей к настоящему изданию автор нередко по разным поводам прибегал к консультациям с коллегами, которые делились ценными замечаниями и соображениями, а также библиографическими сведениями.

Среди них в первую очередь благодарно помяну уже ушедших — Анатолия Павловича Непокупного, Александра Борисовича Пеньковского, Никиту Ильича Толстого, Владимира Николаевича Топорова, Олега Николаевича Трубачева.

С чувством глубокой признательности назову имена Юрия Дерениковича Аapresяна, Елены Львовны Березович, Жанны Жановны Варбот, Алексея Алексеевича Гиппиуса, Игоря Георгиевича Добродомова, Марии Вячеславовны Завьяловой, Валерия Михайловича Мокиенко, Софьи Константиновны Пожарицкой, Дайнюса Разаускаса, Ирины Александровны Седаковой, Александра Борисовича Страхова, Марфы Никитичны Толстой, Светланы Михайловны Толстой, Федора Борисовича Успенского, Джой Иосифовны Эдельман.

Особая благодарность — инициатору издания Алексею Дмитриевичу Кошелеву, добрым и строгим рецензентам книги Александру Евгеньевичу Аникину и Татьяне Владимировне Цивьян.

В подготовке рукописи я пользовался доброжелательной помощью Дмитрия Анатольевича Журавлева, Анны Яковлевны Логвинской. Во все времена моим внимательным собеседником и неоценимым помощником была Наталья Анатольевна Волочаева, без которой книга не состоялась бы.

**Слово
в контексте культуры**

Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира

Некоторые особенности «Мифологического словаря» (М., 1991)

Изданный «Советской энциклопедией» однотомный «Мифологический словарь» под редакцией Е. М. Мелетинского (далее — МС) многие склонны рассматривать как сокращенный вариант широко известной двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» под редакцией С. А. Токарева (далее — МНМ). Будучи вторичным по отношению к МНМ, МС тем не менее представляет собою издание с собственной физиономией. В однотомном словаре, повторяющем большинство статей МНМ, нет фото- и графических иллюстраций; опущены все обзорные статьи типа «Австралийская мифология» или «Палеоазиатских народов мифология», статьи теоретического характера «Архетипы», «Космогонические мифы» или «Низшая мифология», статьи, в которых обобщаются данные о важнейших мифологемах и культурных символах («Грибы», «Древо мировое», «Орел», «Свастика», «Смерть», «Числа» и т. п.), то есть сделана переориентация на словник, состоящий только из именованных мифологических персонажей и некоторых локусов, фактически — почти исключительно из собственных имен; отсутствуют некоторые статьи, входящие в словник МНМ (например, «Агаттияр» или «Акахада-но усаги»; содержащиеся в них сведения, обычно о дублетных именах или о подчиненных персонажах, в МС перемещены, как можно обнаружить, в статьи более общего плана), другие сильно ужаты («Фарн»); сняты послезаголовочные воспроизведения имен в графике языка-оригинала или их латинские транскрипции. Отсутствие в МС вступительного текста, подобного предисловию «Мифология» (авторы С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский) в энциклопедии, компенсируется завершающими словарь статьей «Общее понятие мифа и мифологии»

(автор Е. М. Мелетинский) и пространным, объемом более 3,5 листов, теоретическим глоссарием-приложением «Основные мотивы и термины» (без указания авторства образующих его статей). И все же МС нельзя считать краткой версией МНМ хотя бы потому, что словник его значительно шире. Только в диапазоне буквы *А* он пополнен 118 (!) новыми статьями (некоторые из них — развернутые тексты взамен входящих в словник двухтомника отсылок к другим статьям).

Но главное его отличие — оснащенность новым аналитическим аппаратом. Если авторы и издатели энциклопедии МНМ ограничились составлением только указателя имен мифологических персонажей и конкретных мифологических объектов, с включением в него некоторых «терминов-названий общих понятий», то МС сопровождается, кроме аналогичного индекса, еще тремя реестрами. Во-первых, указателем словарных статей, сгруппированных здесь в рубрики по этносам и религиозным традициям: «Абазины» (: *Анцива, Нарты*), «Абхазы» (: *Абнауаю, Абрскил...*)..., «Бушмены», «Ведийская мифология»..., «Ветхозаветная мифология» (: *Аарон, Аваддон...*)..., «Русские» (: *Алатырь, Алеша Попович, Алконост...*)..., «Японская мифология», «Яруро», «Яуйю». Отдельно, во-вторых, существует словник всех словарных статей, перенумерованных внутри каждой буквы алфавитного разбиения: *а* 1, 2, 3..., *б* 1, 2, 3... и т. д. Он служит «адресной книгой» для поиска понятий, собранных, в-третьих, в специальный «Предметный указатель».

Именно этот последний (далее — ПУ) сообщает изданию особенную эвристическую ценность и здесь интересуется нас более всего.

Возможность и необходимость фреквентария к МС

Анализ культурных символов, исследование устройства, семантики, географии, генеза и истории мифологических представлений, свойственных тем или иным культурным традициям, выявление формальных и содержательных переключек между разноязыковыми текстами, отражающими эти традиции, сопоставительное и сравнительно-историческое изучение сюжетики мирового эпического фольклора, выяснение исторических корней ритуалов, установление межритуальных связей и множество иных задач предполагает, что повторяющиеся в различных мифологических системах мотивы и отдельные мотивные элементы могут и должны быть соотносимы друг с другом. Кроме выявления самого инвентаря мифологических мотивов и составляющих их элементов, воплощенных в отдельных словесных знаках (наименованиях природных и культурных явлений, одушевленных существ, предметов, локусов, действий, состояний, свойств, качеств, обозначениях количественных характеристик и т. д.), видится важным знание об их сравнительной встречаемости.

Такие сведения могут быть извлечены из ПУ. Установление числа статей, адреса которых содержатся в каждой позиции этого индекса, весьма несложно, хотя требует усилий и времени. Результат подсчета — перечень слов и словосочетаний, упорядоченных по частоте использования в статьях МС, — можно рассматривать как список словесных знаков, отражающий степень распространенности в мифологиях мира того или иного мотивного элемента (концепта, «смысла», «идеи»).

Представительность аналитического списка обеспечивается достаточной обширной исходной базой: общее количество статей МС, описывающих различные фрагменты мифологических систем нескольких сотен этносов и этнических группировок, как современных, так и оставшихся лишь в истории, — 4141. Понятно, что разные мифологические традиции отражены в словаре по-разному: одни описаны во множестве отдельных статей (бесспорное и объяснимое первенство принадлежит мифологии греков), упоминания других народов (скажем, агулов, навахо или таунгу) или этнических группировок (например, «индейцев Перу») встречаются лишь в единичных статьях. При всей оговоренной неравномерности этнографических и повествовательно-фольклорных источников (скорее их пересказов-интерпретаций), которые подвергнуты словарному препарированию, верхний слой полученного списка меру распространенности в мифологиях мира тех или иных сущностей, приобретающих особое культурное осмысление, рисует с относительно высокой надежностью. Позиции ПУ соотносятся со смысловыми единицами разного статуса: от мощной мифологемы безусловно универсального звучания (*огонь, гора, змей, кровь, камень, луна, молния, белый, правый, восток, время*¹) до мелкой детали дежурного характера — обязательного «актантного» обстоятельства, не нагружаемого никакой специальной символикой, или случайного именованного проходного персонажа и т. п. (иллюстраций из благоразумной осторожности лучше не приводить). Тем самым создается некая аппроксимативная частотно-смысловая модель, которая позволяет интуитивные представления о значимости того или иного элемента или признака в структуре мифа, сюжета или ритуала соизмерять с показаниями ценностной шкалы, полученной путем обработки максимального в выбранных условиях мифологического материала. При этом, разумеется, нужна оглядка на то, что значительное число выявляемых элементов и признаков оказывается валоризованным лишь в границах некоторых культурных традиций. Мы хорошо осознаем ограниченную ареальную и этническую привязанность сакрализуемых и мифологизуемых сущностей *шаман, фараон, слон, крокодил, ягуар, рис, кукуруза (маис), пальма, лотос, нефрит*, но всегда ли отдаем себе отчет в том, что такие концепты, как *пастух, кузнец, волк, вино, плуг, колодец, могила*, могут быть пустыми для многих «не наших» культур?

Приблизительность квантитативных данных фреквентария к МС

Аппроксимативный характер фреквентной модели ясен заранее: в работе такого масштаба на конечных данных не могут не сказаться пропуски, неточности, нераспознанность некоторых принципиальных для данной мифологической конструкции смысловых элементов и т. д. Однако есть потребность его прояснить.

¹ В дальнейшем курсивные написания со строчной буквы (если это не имена собственные) воспроизводят позиции ПУ, а курсивные написания с прописной — заголовки статей МС.

Обращает на себя внимание отсутствие в ПУ самостоятельных позиций *бог, царь, храм, праздник* и под. (эти слова фигурируют в составе включенных в него словосочетаний типа *умирающий и воскресающий бог, слепой бог, идеальный царь, царь ада, латинский праздник, медвежий праздник*). Объяснение такому положению вещей можно искать в том, что, например, слова *бог* и *божество* встречаются в статьях МС настолько часто, что этим их помещение в ПУ обесмысливается. Скажем, из 44 (без отсылочных) статей МС на букву «З» они отмечены в 19, и если эта пропорция действительна для словаря в целом, то в позициях *бог* и *божество*, окажись они введены в ПУ, должно быть перечислено не менее 1780 адресов — едва ли не целая большеформатная страница очень мелким кеглем (в три с половиной раза больше, чем количество отсылок в наиболее нагруженной позиции указателя — *небо*). Пользоваться такой роскошью в качестве эвристического средства попросту невозможно. Вероятно, по той же причине в ПУ нет специальных позиций *отец, мать, муж, жена, сын, дочь, брат, сестра*: родственные отношения мифологических персонажей представляют, как мы знаем, настолько острый интерес для носителей мифотворческого сознания, что ситуация вполне подобна предыдущей, если не сугубая. Из-за труднообразимой объемности данных, которые нужно было бы обрабатывать, указателем практически игнорируется символика чисел, играющая исключительную роль едва ли не в любой мифологической системе. Об этом можно сожалеть, но вынужденное решение составителей ПУ пропускать числительные нужно признать извинительным. Так или иначе, но в ПУ не включено множество (менее частотных, но) немаловажных для конкретных мифов «молекулярных» содержательных элементов. К такого рода упущениям нужно, в частности, отнести отсутствие противочлена в ярких мифологических оппозициях: в ПУ учтено, например, понятие *ночное небо* (из статьи «Тиштрйа»), но блистательно отсутствует формула *дневное небо*, чрезвычайно важная для объяснения имени *Зевс* (к индоевроп. *deiu-*). За этой несогласованностью следует видеть невыработанность твердых принципов анализа и единых шкал отсчета.

Трудно сказать, какие специалисты занимались расписыванием статей МС по смысловым «молекулам», но есть основания полагать, что инструкции для них не были очень четкими и однозначно понимаемыми². Иначе мы не сталкивались бы с таким большим числом пропусков и ошибок. Для примера возьмем статью «Янус». Всякий обладающий хотя бы поверхностными сведениями об этом римском боже-стве согласится, что отсутствие отсылок к посвященной ему статье в имеющихся позициях ПУ *жилище, регия* ‘жилище царя’, *дам, дверь, колонна, день, год, союз, мир, творец мира, мировая ось, фециал* ‘жрец — член коллегии, объявляющей войну

² Упрекать составителей МС за расплывчатость требований к аналитическому указателю было бы, пожалуй, не очень справедливо. Дело в том, что формулирование помянутых единых принципов и надежных шкал, ясное осознание многочисленных сложностей, которые таит в себе «атомизация» словарных текстов, возможны только при знании картины в целом, то есть после тщательного и требующего большого времени разбора уже готового предметного индекса, желательно в его исчерпывающем составе, при этом разбора многостороннего, с участием и «общих» культурологов, и мифологов — специалистов по конкретным этническим и культурным традициям, и лингвистов.

и заключающей договоры' можно толковать только как следствие беспечности или малой осведомленности составителей указателя, а вообще невключение в ПУ таких ключевых для портрета данного божества элементов, как («всякое!») *начало, первый, первый месяц года, первый день месяца* (при том что в указателе учреждена особая позиция *первый день недели!*), *ключ(и)* (однако, чтобы не возникло путаницы, есть деомонимизирующая позиция *ключ (водный!)*), *двуликость, прошлое* (при наличии учетного слова *будущее!*), является недосмотром просто вопиющим.

Одной из причин неточности возможных численных оценок на базе ПУ может быть неосознание его составителями наличия в языке таких явлений, как лексическая полисемия и омонимия (омография в частном случае). Натолкнувшись в указателе на позицию *семя*, читатель без обращения к самим словарным статьям не в состоянии решить, в каком из значений учтено в ПУ это многозначное слово. Проконтролировать положение, на первый взгляд, нетрудно, однако здесь его ожидает неприятность. Сверка с текстом показала, что из первых 25 статей, которые указаны в позиции *семя* предметного индекса, от *Аватара* до *Маква*, в 8-ми говорится о 'семенах растений', в 16-ти — о 'сперме' (человека, животного, божества), а в одной (*Дунен беркат*) слово *семя* выступает с синкретичной семантикой. Отсутствие ударения у помещенного в ПУ слова *мука* не позволяет сразу судить, имеется ли в виду 'страдание' или 'продукт помолы зерна', и, если исходить из опыта, приобретенного только что, на примере «семени», безусловную ясность, несмотря на присутствие позиции *муки*, может внести лишь сплошной просмотр всех указанных в этой позиции статей; выясняется, кстати, что в 11 статьях упоминается *мукá*, но в одной (*Инанна*) — все же *му́ки*. Разбиравшаяся выше статья «Янус» — единственная, к которой отсылает позиция ПУ *агония*. Любой здравомыслящий читатель, бегло знакомясь с указателем, сообразит, что дело касается 'издыхания, предсмертных судорог', тогда как на самом деле имеются в виду *агонии*, иначе *агоналии*, — 'праздник в честь Януса, справлявшийся 9 января' (слово неясного происхождения). Переводить слово в форму единственного числа, по-видимому, не следовало³.

Одним словом, ПУ не представляет понятийное наполнение отдельных статей МС исчерпывающим образом и далеко не безупречен в исполнении. Однако пропуски и наложения, о которых шла речь, хотя и обильны, носят очевидно стохастический характер и при огромности исходного материала (объем МС — 140 учетно-издательских листов) на количественные соотношения между единицами фреквентария, особенно в его верхней части, влияние оказывают не слишком значительное.

Использование полученного фреквентария (ниже он представлен списком 1., который назван **основным**), наталкивается еще на ряд существенных сложностей. Одна из их досадных причин — лексическое богатство и гибкость языка, в нашем случае русского.

³ Нельзя не упомянуть, что на качество и удобство указателя влияет неудовлетворительная корректорская вычитка. Здесь встречаются дезориентирующие орфографические ошибки и опечатки: *приведение* вместо *привидение*, *ночное ведение* вместо ... *видение*, *черенок* вместо *черепок*, (асфоделевый) *луч* вместо *луг*, курьезная *Казань* вместо *казнь*. Встретив позицию *зимородок*, читатель должен проверить, что имеется в виду — *зимородок* или *заморозок*.

Смыслы или формы?

Обращаясь к предметному (а не специально лексическому) указателю, сопровождающему какое-либо научное издание, заинтересованный читатель, как правило, намерен иметь дело с понятием (концептом), тогда как реально там ему предлагается перечень лексем и их сочетаний, то есть языковых единиц формального уровня (кода). Есть ситуации, когда концепт и содержание отражающей его языковой единицы, входящей в предметный указатель, совпадают, и проблем с их различением, практически не возникает: это терминология. В предметных указателях к этнографическим и культурологическим, мифологическим в частности, исследованиям или компендиям перечисляются слова и словосочетания, в массе своей к терминологии не относящиеся, а следовательно, тянущие на себе груз многозначности, семантической диффузности, отношений синонимии, присущих обычному слову.

Именно с такой картиной мы имеем дело. ПУ к МС составлялся, как нетрудно было заметить, почти механически. Лексические синонимы (*глаз — око, битва — сражение, наводнение — потоп*, упомянутые *маис — кукуруза...*), перифразы и синтаксические синонимы (например, *небо — небесный свод, свадьба — свадебный обряд, катаклизм — стихийное бедствие, стихия — природные силы — стихийные силы природы...*) подаются в нем раздельно, не «суммируясь» в понятия (концепты). При избегании в ПУ прилагательных (их очень мало) отступления от механичности обработки текстов сказываются в чрезвычайно непоследовательном использовании приема словообразовательной конверсии; скажем, прилагательное *невидимый* в указателе трансформируется в абстрактное существительное *невидимость*, а *одноголовый* (из статьи «Шаркань») — в *одноголовость*. Но уже члены словообразовательных пар *безногий — безноготь, бесполой — бесполость, немой — немота* в указатель попадают раздельно, отчего цельность предьявления понятия также страдает. В ПУ нет ни одного глагола; видимо, проектировщики указателя сочли, что эта часть речи в принципе берет на себя минимальную культурную информацию, а потому не заслуживает специального внимания. Поэтому, например, элементы статейных текстов *бежал, заставил бежать, убегающий* и проч., даже если они относятся к важному мифосюжетному узлу, не конвертированы ни в *бег* (в эту позицию «взято» только слово *бег*, в текстах, кстати, выступающее в разных значениях — широко '(собственно) передвижение бегом' и узко 'ристалище, спортивный бег'), ни в *бегство* (такая позиция в ПУ есть), ни в *побег* (в ПУ отсутствует). Поэтому же, вероятно, очень распространенный в мифологических сюжетах мотив *подмены*, находящийся в текстах преимущественно глагольное выражение, оказался, к сожалению, за пределами фреквентного списка. Глагольно-именная конверсия используется в ПУ чрезвычайно редко, хотя могла стать трансформирующим грамматическим приемом, значительно обогащающим финальный список мифологем.

«Основная» версия нашего фреквентария сформирована на базе ПУ, воспринятого как данность, без вмешательства в предложенный набор позиций, то есть с игно-

ированием моментов, о которых только что было сказано. Однако в таком виде он оставляет ощущение, что задача решена не лучшим образом.

Преобразованный фреквентарий: «summae»

Czyli treść jest ważna, niby ziarno w łupinie, a jak będą bawić się łupinami, nią ma większego znaczenia.

Czesław Miłosz, «Traktat teologiczny»

Дело в том, что если исследователю понадобится выяснить, насколько эксплуатируемо в мировой мифологии, например, понятие 'человечество', он должен не только выяснить употребительность самого слова *человечество*, но и принять в расчет, что это понятие, помимо того, выражается словом *люди*, словосочетаниями *человеческий род* и *людское племя* (по крайней мере в ПУ). А захотев понять распространенность идеи 'подземный', он не найдет самостоятельной позиции *подземный*, но зато обнаружит целый выводок включающих это прилагательное адъективно-субстантивных сочетаний, которые представлены отдельными позициями указателя: *подземная влага*, ... *река*, ~*ое царство*, ~*ые воды*, ... *сокровища*, ~*ый мир*, ... *мировой океан*, ... *огонь*, ... *океан пресных вод*. Естественный выход — в суммировании цифири, которая сопровождает в фреквентном перечне каждый из членов нужного ряда.

Общность искомого смысла для нескольких единиц фреквентария диктует их соединение в группы, которое может осуществляться на разных основаниях:

синонимия — *кумир* + *идол*, *чрево* + *утроба*, *инцест* + *кровосмешение*, *жизненная сила* + *жизненная энергия*, *палец* + *перст* и т. п. (одно и то же слово в разных своих значениях может входить в разные синонимические объединения: *рот* + *уста*, *губы* + *уста*);

гипо-гиперонимические отношения (с возможными расширениями «зоны» каждого участника отношений за счет когипонимов) — *дождь* (+ *ливень*), *драгоценный камень* (+ *самоцвет*), *тьма* + *темнота* + *мрак* (+ *мгла*), *лошадь* (+ *жеребец* + *кобылица*), *шкура* (+ *руно* + *тигриная шкура*), *апотропей* + *оберег* (+ *амулет* + *талисман*); *копы* (+ *пика* + *дротик*), *запах* (+ *аромат* + *зловоние*) и т. п.;

когипонимия — *старик* + *старуха* (→ 'старый человек'), *вестник* + *вестница* (→ 'доставщик вестей', с погашением для большинства фиксаций малозначущего, эксплицируемого скорее по строевой прихоти русской грамматики, признака половой принадлежности: неловко сказать **Она была вестником...*), *ящик* + *сундук* + *ларец* + *шкатулка* (→ 'движимая рукотворная емкость жесткой конструкции и небольшого размера...'), с элиминацией признака 'закрываемая', необязательного для *ящик*), *лягушка* + *жаба* и т. п.;

включенность семантики одного слова / словосочетания в семантику другого целиком — *месть* (+ *кровная месть*), *старик* (+ *старичок с ноготок*), *жрец* (+ *первый жрец*), *вдова* (+ *благочестивая вдова*) и т. п.;

включенность искомого понятия в качестве подчиненного компонента в состав более сложного понятия иной рубрикационной принадлежности — *человек* (+ *сотворение человека* + *творение человека*), *луна* (+ *пятна на луне*), *лук* (+ *стрельба из лука*), *серебряный* (+ *серебряное блюдо*) и т. п. (необходимость таких объединений можно

обосновать тем, что понятия, словесные манифестации которых в приведенных примерах помещены вне скобок, присутствуют в выражениях, заключенных в скобки, но эти выражения по условиям, предложенным в ПУ, даны как самостоятельные единицы «основного» фреквентного списка);

включенность понятия, имеющего в ПУ самостоятельное лексическое выражение, в семантику иного слова на правах содержательного компонента, грамматически не выделенного, например, ср. отношения между членами пары «свойство ~ носитель свойства», — *красота* (+ *красавица* + *красавец* + *прекраснейшая из женщин*); и проч.

В простых случаях такое «суммирование» смыслов и количественных показателей не приводит к арифметическим казусам, так как отдельным позициям ПУ, без каких-либо поправок берущимся в «основной» фреквентный список, при их очевидной синонимичности отвечают непересекающиеся наборы внутрисловарных адресов. Но существует немало случаев сложных, обусловленных диффузностью лексической семантики, частичным наложением разных синонимических рядов, пересечением смыслов, погашением части лексического значения или, напротив, приращением смысла, возникающими в дискурсе, наконец, использованием русского слова в контексте, описывающем чуждую этнокультурную традицию (ср. хотя бы всем известную нетождественность понятия *души* в разных «картинах мира» и мифологических системах). Как провести безупречное межезначие значений, например, в лексической последовательности *магия* — *волшебство* — *чародейство* — *колдовство* — *волхование* — *ведовство* — *чары*, когда понятно, что здесь присутствует и синонимия и родо-видовые отношения, а одно и то же слово может параллельно употребляться как в значении 'магическое воздействие', так и в значении 'гадание', то есть во втором случае включаться в другой синонимический ряд (*гадание* — *ворожба* — ...), да еще 'предсказание' (что отражается в синонимизации русск. *предсказать* — *нагадать*)? Как распутать действительное, не беззастенчиво отвечающее словарным дефинициям сплетение значений в блоке *род* — *колени* [в ПУ *колена*] — *поколение* (к нашему облегчению, в ПУ обошлось без *племени* и *отродья*, хотя есть подозрительное *семья*, см. выше)? Так или иначе, следует признать, что некоторые соединения заведомо будут носить довольно условный характер.

Подобные «summae» вошли в наш фреквентарий в виде **дополнительного** списка (2., см. ниже).

На базе ПУ нами осуществлена лишь часть возможных соединений его позиций в группы: возможности «суммирования» смыслов, о котором идет речь, велики, какие-то были нами сознательно отвергнуты, а какие-то наверняка остались не замеченными. Группировок, построенных на принципах гипо-гиперонимических связей и когипонимии, могло быть осуществлено неопределенно много, однако даже от незамысловатых плюсований типа *рука* + *нога* (→ 'конечность'), *овца* + *баран* (→ 'домашнее животное *ovis*'), *князь* + *конунг* + *султан*... (→ 'властитель, монарх'), *рыба* (+ *акула* + *лосось* + *щука*...), *змея* (+ *кобра* + *питон* + *уж*...), по разным причинам пришлось отказаться. В частности, разумно уклониться от классификационного погашения семантики половых различий в объединениях названий самца и самки домашних животных одного вида, потому что этим различиям придется исключительно

важный вес в любой культуре, тогда как пол дикого животного в большинстве ситуаций менее существен, если вообще не значим: группа *орел + орлица* с точки зрения «культурной семантики», в отличие от «биологической», более целостна, чем *петух + курица*. Думается, нет большого резона группу *светило* (+ *небесное светило*) наращивать за счет гипонимов *солнце, луна, звезда* (+ *созвездие*): мифологические коннотации и сюжетные контексты этих высокочастотных слов разноплановы, и скорее всего только некая доля от общего количества употреблений, приписанного группе в целом, окажется отвечающей цельному мифологически нагруженному понятию, заявленному доминантными знаками (можно, впрочем, предположить, что эти сомнения применимы и к некоторым осуществленным ниже объединениям). Допустимость некоторых группировок, включенных в дополнительный список, по-видимому, может быть оспорена. Так, группа [*одно-*] (: *одноглазость, одноголовость, одноногость, однорукость*) сформирована из обозначений корпоральных отклонений в сторону уменьшения количества частей тела по отношению к некоей постулируемой мифами *н о р м е*; однако если иметь в виду только нормальную *человеческую* анатомию, то из них должна быть составлена еще одна группа, понятие *одноголовости* из которой должно быть изъято (оно относится к «аномальной» разновидности драконов венгерской мифологии, статья «Шаркань»); одноглазыми и одноногими, однако, в мифах могут быть не только люди, и это еще более осложняет задачи демаркации смыслов.

Вполне понятно, что предложенная в настоящей работе методика «взвешивания» понятий для взаимно-сравнительного определения их культурной ценности в мифологических системах мира, принимаемых как целое, — лишь пробный подход, ограниченный заданной формой исходного материала — предметным указателем к «Мифологическому словарю». Тем не менее общая картина оказывается выразительной и несет возможности нетривиальных содержательных интерпретаций.

Фреквентарий

1. Основной список⁴

небо	535	река	269	жертва	227
солнце	422	вода	257	душа	222
гора	409	птица	256	конь	220
смерть	363	война	246	луна	197
земля	335	змея	244	злой дух	195
огонь	272	плодородие	229	жертвоприношение	189

⁴ Нижним пределом для учета позиций ПУ в фреквентарии выбрана встречаемость слова / словосочетания в 9 статьях МС. Курсивом в фреквентном списке даны включенные в ПУ слова, которые разумно расценивать не как элементы собственно мифологического дискурса, а скорее как термины, принадлежащие культурологическому метаязыку. Сохранить их заставил «принцип невмешательства».

Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики

Реконструкция черт древней культуры с опорой на свидетельства праязыкового лексикона сопряжена с целым рядом серьезных трудностей. Одна из них состоит в том, что сам такой словарь является реконструкцией, и при этом, как всякая реконструкция, неполной. Правда, ситуация с праславянским языком и его словарем в глазах языковеда-диахрониста и историка культуры является относительно благоприятной. Потомки праславянского языка — современные живые славянские языки с их диалектами — отделены от него, в масштабах «большой» истории, сравнительно непродолжительным временем, примерно в полтора тысячелетия или даже менее (многие лингвисты верхней границей существования праславянского языка считают конец I тысячелетия нашей эры). В этом случае мы вправе предполагать, что фундаментальные лексические и лексико-семантические особенности языка славян претерпели не настолько значительные изменения, а словарный состав — не настолько значительные утраты, чтобы искомая картина древнеславянской цивилизации представляла взору историка только в виде весьма грубого культурного «скелета», когда при достаточной очевидности культурного т и п а ускользает масса деталей и связей, составляющих «плоть» конкретной этнической культуры.

Сейчас в требуемой мере очерчен круг основной праславянской лексики. Ее реконструкция и инвентаризация осуществляются в двух этимологических лексиконах: «Słownik prasłowiański» в Кракове и «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» в Москве, которые служат главными источниками материала в предлагаемом очерке. По теперешним подсчетам, опирающимся главным образом на данные более продвинутого в эдиционном отношении

«московского словаря», общий объем праславянской лексики, которая поддается реконструкции, достигает 30 000 слов (включая не только общеславянские единицы, но и довольно многочисленные диалектизмы праславянского возраста); прежние подсчеты, предпринятые, в частности, Т. Лер-Сплавиньским [Lehr-Spławiński 1938], брали во внимание преимущественно базовую (непроизводную) лексику, из-за чего словный состав праславянского языка выглядел неправдоподобно малым, у названного автора, например, — всего в 1700 единиц. Для сравнения со славянской ситуацией укажем, что «Романский этимологический словарь» В. Мейера-Любке (3-е изд.), описывающий лексический состав народной латыни — праязыка современных романских языков, содержит немногим более 9700 слов, а реконструкции, относящиеся к значительно более глубокому времени, не выходят за пределы объемов в несколько сотен слов или, точнее, корневых морфем. Например, для финно-угорского праязыка, разложение которого датируется приблизительно концом III тысячелетия до нашей эры, имеется, по сведениям венгерского лингвиста П. Хайду, около 1200 лексических реконструкций (этимологий). А для ностратического праязыка, распад которого происходил, вероятно, около 13 тысяч лет назад, В. М. Иллич-Свитычем восстановлено 378 корней, работы последователей гениального ученого как будто позволяют вывести число более или менее надежных ностратических корневых реконструкций в следующий порядок. Однако как бы вдохновляюще ни выглядели цифры, характеризующие доступный реконструкции праславянский лексикон, следует иметь в виду, что наши знания о нем — а тем самым и о стоящей за ним древнеславянской культуре — всегда будут страдать неполнотой и приблизительностью.

Другой, еще большей, трудностью, встающей перед историком культуры, обращающимся к данным языка, является отсутствие прямых корреляций между культурным состоянием этноса и состоянием его языка. Факт культуры далеко не всегда имеет своим соответствием факт словаря, и изменения в области материальной и духовной культуры или в социальных структурах не непременно вызывают преобразования в словарном составе языка. Лингвистам-историкам хорошо известна возможность лакун, пустых мест в лексических группах, связанных с теми или иными явлениями культурной и социальной действительности. Частным случаем неизоморфности языка и культуры, отсутствия жестких зависимостей между ними является особенность, которая в книге О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» (1966), также послужившей одним из источников приводимых ниже сведений, названа «архаизирующей сущностью традиционной терминологии»: новое состояние, допустим, какой-либо технологической сферы может какое-то время, нередко продолжительное, обслуживаться прежним лексическим инвентарем. Этот феномен словарного «запаздывания» может быть причиной невольной архаизации реконструируемой картины. С другой стороны, существует не меньшая опасность модернизации положения вещей, которая возникает вследствие постоянной и далеко не всегда осознанной корректировки реконструкции через данные лексики наличествующим у историка знанием последующих (исторических и современного) состояний культуры.

Всекий, кому приходилось иметь дело с этимологическими и историческими словарями, сталкивался с гигантским при углублении во время возрастанием эффекта

синонимичности словесных обозначений. Невероятное «богатство» псевдосинонимов при неуклонном сужении в ретроспекции круга лексических значений, их «обесцвечивания» (ср. десятки индоевропейских корней для выражения упрощающихся до предела понятий 'бить', 'гнуть', 'резать', 'драть, рвать' и т. п.) — неизбежная, видимо, плата за знание этимологом того обстоятельства, что сколько-нибудь строгая симметрия между словесным знаком (в том числе и особенно производным словом), его значением и внеязыковым фактом отсутствует. При реконструкции древнего значения конкретного слова или корня исчезает огромный мир подробностей, связанных с этим словом и составляющих, может быть, наиболее ценное и интересное в данной этнокультурной традиции.

Неизбежность известной неопределенности семантических реконструкций усиливается, помимо того, действием многочисленных факторов исторической жизни слова, предусмотреть которые в каждом конкретном случае чрезвычайно трудно: случайный характер мотивации того или иного имени, развитие семантики слова под влиянием аналогии, замена слова вследствие ограничений на его употребление или прямого табуирования (что само по себе является замечательно интересным культурным моментом) и т. д. Все это делает восстановление ранних этапов развития культуры по ее отражениям в зеркалах словаря исключительно сложной задачей, в полном объеме принципиально неосуществимой.

Предлагаемый очерк, адресованный главным образом неспециалисту в лингвистике, затрагивает лишь некоторые, впрочем, достаточно важные, стороны материальной культуры древних славян, как она отражается лексикой праславянского языка. Связанный жесткими требованиями к объему работы, автор стремился к сдержанности в этимологическом комментировании упоминаемых слов и, кроме того, позволил себе не приводить ссылок на труды по истории славянской лексики, которыми он пользовался.

* * *

История застаёт славян в ту пору, когда образ их жизни характеризуется вполне выраженной оседлостью. Показательно наличие в праславянском лексиконе глагола **sěděti*, **sěsti* 'сидеть' → 'жить в оседлом состоянии, пребывать постоянно или весьма длительное время', который, будучи предикатом при именах этносов и других людских сообществ, сочетается с наименованиями географических объектов, ср. свидетельства, извлекаемые из более поздних текстов, типа «...сѣли суть Словѣни по Дунаеви...», а также связанные с ним этимологически слова **sedlo* 'поселение', **sedliti se* 'селиться', далее *усадьба*, **sqsědъ* 'сосед' и т. п. Старославянское слово **вѣселеніа**, калькирующее греч. οἰκομῆνῃ, трактует человеческую причастность к универсуму как постоянное, оседлое местопребывание, насельничество: оно отражает концепт мира, который мог сложиться только у оседлого народа. Самым древним из выявленных славянских образований с суффиксом *-an- / -ěn-*, активно используемым в славянской этнонимии, является праслав. **sedl' aninъ*, **sedl' ane*, дальнейшие отражения которого имеют значение 'крестьянин, -не'; оно, кстати, находит индоев-

ропейскую параллель в самоназвании греков — Ἑλλάη, множ. Ἑλλήνες. При этом производящее для славянских слов, обозначающих крестьянина, — *sedlo 'земледельческое, то есть оседлое, хозяйство с домом' (ср. родственные готск. *sitls* 'сидение; жилище; гнездо', лат. *sella* 'кресло, сидение').

Оседлый образ жизни обусловлен господством производящего типа хозяйства (земледелие, животноводство, в частности, пастушеское скотоводство, а также оседлые ремесла). В то же время данные праславянской лексики удостоверяют достаточно прочное сохранение в хозяйстве древних славян элементов более раннего присваивающего типа (сезонное собирательство, охота, рыболовство), как и типологически промежуточные формы экстенсивного подсечно-огневого земледелия и отгонно-пастбищного скотоводства, предполагающие совмещение черт оседлости и подвижности.

Основная роль в хозяйственных занятиях древних славян принадлежала земледелию. Славяне имели специальные названия для земли, никогда не бывшей в обработке, но рассматриваемой как место будущей пахоты: производные от *cělъ(jь) (*cělīkь, *cělina / *cělizna...), *pustь(jь) (*pustoša, *pustotja...), *novъ(jь) (*novina, *novъ...), *ležati 'быть в праздности, необрабатываемой (о земле)' (*zaležь...) и др. (*lědo..., индоевропейские параллели к которому имеют значения 'пустошь', 'свободное место', 'лес' и под.). Засаеваемые (ср. глагол *sě(ja)ti) земли славяне называли *niva, *pol'e. Для этимологизации последнего разными учеными привлекаются слова *полюй* 'пустой, то есть незанятый', ст.-слав. *полѣти*, русск. *палить* (и, таким образом, поле понимается как 'выжженное место, выжженный лес'), продолжения индоевропейского корня *pel- 'серый, светлый', собственно 'белое' (ср. *белые земли*, то есть 'свободные, незанятые'). Славянский словарь сохранил большое количество терминов, обозначающих процессы раскорчевки леса, выжигания деревьев и т. д., этимологически и словообразовательно связанных, в частности, с выражениями понятий 'драть', 'чистить', 'сечь', 'выжигать' (*dorъ, *dъrba, *dъrbь..., *čistь, *čišča, *orzčistь 'росчисть'..., *čъrtežь, *čъrtja..., *kъrčь, *kъrčiti, *kъrčevati, *kъrčevina..., *podъsěka, *pasěka, *zasěka 'место вырубki леса'..., *laziti, *lazь, *laza..., *palъ, *palь, *palovina..., *garь, *garišče, *gorěvina...). Предполагается, что к терминам подсечного земледелия относится и само слово *lěszь (значения 'лес как элемент ландшафта' и 'древесина как материал' у которого вторичны), возможно, из *uloi-kos ← индоевроп. *uel- 'рвать, драть; бить'. Существенно отметить, что наиболее распространенные и наименее специализированные в семантическом отношении названия 'дороги' *dorga и *cěsta (последнее — праславянский диалектизм, охватывающий часть южно- и западнославянских языков) этимологически связаны с глаголами *dъrati и *čistiti, что с несомненностью указывает на то, что освоение новых пространств, поросших лесом, было исключительно важной стороной жизни древних славян (ср. специализированные названия для 'дороги, прорубленной сквозь лес' — *sěča, *prosěka...). Ср. еще *torъ 'проложенная дорога', *toriti — в связи с глаголом *terti 'тереть'.

Процесс обработки обширных участков земли носил глагольные обозначения *orti, *orati, *paxati (ср. термины для иных видов землеобработки: *kopati, *ryti (связано с *rvati)), откуда суффиксальные субстантиваты *orьba, *orlja, *paxota.

Праславянской эпохе принадлежат и термины **borzda* 'борозда', **polsa* 'полоса (земли)', **gręda, lęxa* 'гряда, грядка', **medja* 'межа'.

Для рытья земли использовались копалки и мотыги (**kopadlo, kopačь, *motyka...*). Подсека требовала не столь простых орудий. Здесь применялись, кроме них, борона (**borna, *skorda*), рало (**ordlo*), соха (**soxa*). Последняя, обозначаемая словом, которое трудно поддается этимологическому анализу, первоначально представляла собою отрезанную, отрубленную часть ствола с суком, развилку. С ослаблением роли подсеки и переходом к более интенсивным способам земледелия появляется колесный (**kolo*, родит. пад. **kolese*) плуг (**plugъ*, заимствование из германских языков, ср. нем. *pflügen* 'ухаживать, заботиться', *Pflug* 'плуг', *pflügen* 'вспахивать', либо, по другой этимологической версии, исконное слово, родственное глаголу **pluti* 'плыть' и мотивированное «плывущим», по сравнению с сохой, его ходом). Терминология составных частей сохи и плуга включает в себя много праславянских образований (ср. специализированные **grędelь*, мнение о германском происхождении которого, хотя бы и праславянского времени, недостаточно убедительно, **orъto, *ordьnikъ...*). Лемех (**lemešь, *lemežь, *lemexъ*, к индоевроп. **lem-* / **lom-* 'ломать', **sošьnikъ, *čьrtadlo, *naordьnikъ, *polica...*), появившийся еще у рала, то есть на сравнительно ранней стадии эволюции земледельческих орудий, как часть плуга был усовершенствован и, помимо подрезания пласта земли, служил отвалом. Борона также претерпела технологические изменения от простого волокомого бревна с сучьями, взрыхлявшими почву, до решетки (**rešeto* / ? **rěšeto*) с зубьями (**zъbь, *zъbьсь*). Фактором эволюции земледельческих орудий, кроме прочего, было применение тягловой (ср. **tega, *tegъlo*) силы крупных домашних животных — вола и лошади.

Слово **žito*, наиболее общее из славянских обозначений хлебных культур (**xlěbь* является заимствованием из германского, оно обозначало хлеб как конечный продукт и лишь впоследствии приобрело агрономическое значение 'зерновые культуры'), авторитетно этимологизируется как связанное с глаголом **žiti*, что с определенностью указывает на земледельческий *par excellence* характер древнейшей культуры праславянских племен. Они выращивали злаки, имеющие праславянские названия: **рьšenica* (производное от глагола **рьxati* 'толочь'), ее невымолачиваемая разновидность **pyro* (ср. производное название сорняка **pyрьжь* 'пырей') или **рьlba* (ср. нем. *Spelt* 'полба', латин. *pultare* 'толочь'), **ръžь* 'рожь', **ęсьту, *ęсьтукъ* 'ячмень', **proso, *ovьсь* 'овес'. Кроме зерновых (ср. **zьrno*, с индоевропейскими параллелями латин. *granum* 'зерно, ядро', нем. *Korn* 'зерно', литов. *žirnis* 'горох, горошина' и др.), выращивались бобовые — чечевица (**sočivo, *sočevica...*), горох (**gorxъ*), ср. **bobъ* — помимо прочего 'Faba'. К праславянскому лексическому фонду относятся и названия некоторых впоследствии огородных ('огород' — **gordina, *obgordь...*) культур: **lukъ, *česnikъ / *česnъkъ, *kopрь* (вторичное **kropрь*) 'укроп', **rěpa, *търку* 'морковь', **xrěнь, *тыку* 'тыква' и др., часть которых является ранними заимствованиями из германского, греческого. Известен был славянам и мак (**makъ*). Значительную роль в аграрной деятельности славян играли технические культуры — лен (**льнь*), конопля (**konopъ / *konopьja / *konopьжь*). О культурной освоенности, возделываемости тех или иных растений с очевидностью свидетельствуют производные образо-

вания с суффиксом *-išče*, обозначающие 'поле, на котором возделывается...': *žitišče, *rъžišče, *eщьmenišče, *ovъsišče, *gorxovišče, *bobišče, *xъmelišče, *makovišče, *lъnišče, *konop(j)išče...

Общий сельскохозяйственный характер древнейшей культуры славян сказывается в этимологических истоках названия 'растительного семени' — *sěmę, родит. пад. *sěmene) буквально 'сеемое' (в неземледельческих культурах название семени растения не может иметь такой ономазиологической (мотивационной) основы, а должно быть принципиально иным, ср., например, др.-инд. *kāṇa* 'семя, зерно', родственное названию конопли и буквально толкуемое как 'пыль, пылинка, крошка', или же тюркское *урлук* 'семя, зерно', возводимое к глаголу *ур- 'зачать; рожать, приносить потомство; оплодотворять и под.'). Замечательно в этом отношении использование в славянском слов с корнем *rod- применительно к человеку и земле, но уклонение от обозначения ими явлений животного мира — при том, что сходство физиологии человека и животного более чем очевидно, тогда как «обобщение» человека и земли требует известного «мифопоэтического» отвлечения (сходным образом процессы умирания и угасания жизненной, плодоносящей силы в человеческой сфере и в неодоушевленной природе называются словами с корнем *mor-, *mьrtv)-, но эти слова избегаются при обозначении смерти животного, — ср. русск. (no-, c-, из-)дохнуть, пасть...).

Техника уборки зерновых культур, первоначальной обработки и хранения урожая во многом консервативна и сохраняется до сих пор с праславянских времен, как и связанная с ней хозяйственная терминология: *bъrati, *žęti 'жать', *žętva, *kositi, *grebtі / *grebati / *grabiti, *vęzati, *sušiti, *vęjati, *moltiti 'молотить'..., *kolsъ 'колос', *sęno, *solma 'солома', *gъrstъ 'горсть', *snopъ, *kopa / *kopъna, *stogъ, *tokъ, *gumъno (по распространенной версии, название гумна — из сложения *gou- / *gov- 'крупный рогатый скот' и *mъnъ, *meți 'мять' — показывает, что для вымолачивания, вытаптывания зерна из колосьев применялись домашние животные, быки; альтернативная этимология связывает название гумна с идеей вытолачивания, передаваемого корнем *gom- / *gъm- / *gum-, далее *žęti, *žъmъ 'давить', и семантически перекликается с другим названием гумна *tolka 'толока', произведенного от глагола *telkt'i 'толочь'), *jevinъ 'овин', *kolsъnikъ, *sъrпъ 'серп', *kosa, *vidla множ. 'вилы', *cępъ, *lopata, *meķina, *pelva 'полова, мякина'...

Различие терминов, обозначающих урожай в зависимости от того, в тот же год или на следующий он собирался, — *jarъ, *jarovъ(jъ), *obzimъ, *obzimъ(jъ) говорит о том, что славянам были хорошо известны выгоды озимого сева (большая урожайность, ослабление напряженности весенних полевых работ, благоприятное воздействие на почву при севооборотной смене культур, уменьшение тягот межсезонной бесплодности).

Другой важнейшей отраслью оседлого хозяйства древних славян являлось животноводство.

Домашними животными славян были крупный рогатый скот (корова), лошадь, овца, свинья, коза, а также собака, кошка.

Существенно обратить внимание на супплетивизм (корневые расхождения) имен, обозначающих разные категории животных внутри одного вида: общее наи-

менованье; взрослое животное — детеныш; самец — самка. Отличие названий детенышей от наименований взрослых животных (**tele* по сравнению с **govědo*, **korva*, **bykь*; **agne* — по сравнению с **ovьsa*, **ovьnь*, заимствованием **baranь*; **žerbe* — в отличие от **konь*, **komonь*, **kobyła*, ср. еще **orь* 'конь, жеребец'; **porse* — в отличие от **svinjьa*, **veprь*, причем последнее чаще служит обозначением самца дикой свиньи; **ščene* — в отличие от **рьсь*, **suka*, **koběľь*; полного параллелизма в данных именных рядах не прослеживается) является более древним, чем супплетивизм в именах самца и самки. Звукоподражательный характер слова **bykь*, вторичность, сопроизводность еще на дославянском уровне имен **ovьsa* и **ovьnь*, производность слова **žerbeьсь* 'жеребец' от названия детеныша и другие лексические факты указывают на позднее языковое оформление семантического противопоставления животных одного вида по полу. Отсутствие супплетивизма, как в названиях **koza* — **kozьľь* — **kozьľe*, косвенно говорит о том, что данный вид домашних животных являлся для славян в хозяйственном отношении второстепенным при достаточно, впрочем, раннем его одомашнивании (ср. очевидную параллель, с исключением внимания к поздней одомашниванию вида, — названия кошки). В развитом праславянском языке отразилась и более дробная возрастная классификация домашних животных — дробная за счет счисления годов молодому животному (ср. **рьvolětkь*, **selětkь* 'перволеток', **olньščakь* 'животное прошлогоднего приплода', **d(ь)vizь*, **trizь* 'двух-, трехгодовалое животное' и др., а также **junьсь*, **junica* 'бычок', 'телочка' — наряду с обозначениями последними лексемами и соответствующего возраста людей, что находило довольно неожиданный семантический параллелизм в современном русском жаргоне, ср. *тёлка* 'девушка', еще — смолен. *коровка* 'невеста'), а также за счет специальных обозначений приплода по сезону (**jarьka*, **jarьсь*, **lětnikь*, **nazimькь*... — опять-таки в качестве точки отсчета для определения возраста). О значимости животноводства в материальной культуре славян и о давней его освоенности может свидетельствовать также достаточно последовательная дифференциация адекватных обозначений непраздной самки в зависимости от вида животного: **сьtelьnaja*, **sq(j)agnaja*, **berdja* 'жеребая', **kotьnaja*, **sqkotьnaja*, **sqporsaja*, **sqporsьnaja*... Соответственно различны глаголы, обозначающие приношение приплода: **teliti se*, **agniti se*, **porsiti se*...

В целях достижения спокойного норова скотины, если она употреблялась в работу, и быстрой прибавки в весе, если она предназначалась на убой, славяне практиковали кастрацию (глагольные обозначения — **skopiti*, **klasti*, **ľьgьčiti*, **xolstiti*, **krotiti*) самцов животных, что нашло отражение в их особых названиях: **volь* (наиболее вероятно этимология, связывающая это слово с глаголом **valiti* / **val'ati* 'холостить', ср. сложное производное того же глагола — наименование деятеля — **konovalь*), **borvь* 'боров' (к индоевроп. **bher-* 'резать'), по-видимому, также **кььnorзь* (**кьььnorзь*) 'боров', но и '(некастрированный) самец свиньи, кабан', если справедлива этимология, устанавливающая родство последнего слова с **кьььnь* 'обрезанный' и, далее, с индоевроп. *(s)*ker-* 'резать' в первом компоненте и **orzь* 'яичко', ср. греч. ὄρχις 'яичко', во втором. К этому нужно добавить, что одна из существующих этимологий обобщающего наименования **skotь* предполагает его связь с глаголом **skopiti* (→ **skoptь*).

В праславянском языке имеются обозначения для построек, в которых содержался скот, и их частей: **xlěvъ* (германизм), **zagonъ*, **stajьna*, **košara* (локализм, ограниченный ареалом горного пастушества, источник его — народная латынь), **kon'ušьna*, **kotuxъ*, **kotara* 'закут'..., **ědslo* / **ědsľ* 'ясли', **kъrmidlo* 'кормушка'... Естественно, что имеют свои названия места выпаса (глагол **pasti*) скотины (**pastьbišče*, **vygonъ*, **paša* (с первичным значением 'корм')...), пастухи (**pastuxъ*, **pastырь*, **čerdarь*, **korvarь*, **kozopasъ*, **svinopasъ*).

Скот служил славянам источником мяса (**męso*) и жира (**žirь*, **sadlo*, **tukъ*, **lojь*), молока (**melko*), кожи (**koža*, **skora*), шерсти (**sъrstь*, **vьlna* 'волна'), щетины (**ščetь* / **ščetina* / **ščetьka*), конского волоса (**volsъ*), использовались также рога (**rogъ*), кости (**kostь*). Слово **konina*, словообразовательно и семантически параллельное существительным **govędina*, **svinina*, подтверждает исторические свидетельства об употреблении древними славянами в пищу мяса лошадей. Слово же **ovьčina*, формально аналогичное, обозначает, однако, не мясо овцы (слова для его обозначения нередко образуются от специализированных названий самцов: русск. *баранина*, чешск. *skorovina*, словен. *bravina*, что отчасти говорит о преимущественном их, самцов, использовании), а шерсть. Это лингвистическое обстоятельство является указанием на то, что существенной роли в рационе древних славян, в отличие, например, от южных горных народов, баранина не играла. Еще одно наименование шерсти, **runo*, проливает свет на прежний, ранний характер ее добывания: слово это этимологически связано с глаголом **rъvati*, следовательно, первоначально шерсть выщипывалась, а стрижка овцы была изобретена (или заимствована от других этносов) поздно. Название кожи производно от наименования козы (субстантивация прилагательного 'козья'); вполне аналогично ему другое, весьма редкое, славянское название кожи — **azьno*, ср. литов. *ožinis* 'козий' ← *ožys* 'козел', др.-инд. *aj́nat* 'шкура' ← *ajá-* 'козел'. Возможно, что это указывает на преимущественное назначение козы в хозяйстве древних славян. Помимо остального, скот давал славянам органическое удобрение для полей: **gnojь* 'навоз' → **gnojiti* 'удобрять, унавоживать', **gnojivo* 'удобрение' (характерна этимологическая связь слова **govьno* 'говно' с обозначением крупного рогатого скота, **govędo*, — буквально 'бычье, коровье'). Сухой навоз служил также топливом.

Важнейшей функцией домашнего скота (корова, овца, в меньшей степени коза) является обеспечение молоком. Будучи, по-видимому, сравнительно поздним культурным приобретением (нет единого индоевропейского обозначения молока¹, доение

¹ Наличие общеиндоевропейского глагола **melǵ-* 'доить' иногда понимают как свидетельство того, что, при неумении доить скот, носители праиндоевропейского языка получали молоко высасыванием его из сосцов животного. Однако может оказаться, что эти суждения представляют собою недостаточно оправданную архаизацию истинного положения вещей: правоммернее предположить, что индоевропейцами, овладевшими доением, для его словесного обозначения был попросту использован глагол с более ранним значением 'сосать грудь' (ср. ностратическую реконструкцию *mālgi* 'грудь, вымя', сделанную на основании индоевроп. *melǵ-*, семито-хамит. (афразийск.) *mlg* 'грудь, вымя, сосать', уральск. *mäl̆ye* 'грудь, грудная клетка'); аналогию этому можно обнаружить в слав. *dojiti* — из индоевроп. *dhǵ(i)-* 'сосать, кормить грудью'.

и переработка молока у славян стали богатой и насыщенной культурными символами хозяйственной областью. Достаточно упомянуть, что название одного из продуктов переработки молока — творога (**tvarogъ*) формально и семантически пересекается с образами (с о) т в о р е н и я (ср. **tvoriti*, **tvarь*), ср. еще латин. *forma* в связи с нар.-латин. *formaticum*, франц. *fromage*, итал. *formaggio* 'сыр'.

В историко-культурном отношении представляет интерес происхождение некоторых собирательных названий животных. Если для индо-европ. **g^hous* 'крупный рогатый скот' (→ слав. **goveđo*) предполагается производность от глагольного корня **g^he-* / **g^ho-* 'идти' с реконструирующейся мотивировкой 'идушее (стадо)' (аналогичную внутреннюю форму имеет и праслав. **jata*, **jato* 'стая, стадо' ← **jati* 'идти'), то праслав. **stado* несомненно связано с глаголом **stati*, индоевроп. **sta-* 'стоять' и отражает как норму содержания скота в стойлах, постоянных помещениях. Подобные различия в ономаσιологических посылках могут вызываться осуществленным переходом от уклада жизни, свойственного мигрирующему скотоводу, к оседлости земледельца по преимуществу. Другое собирательное название, **čerda*, помимо значения 'стадо', отчетливо демонстрирует семантику 'вереница, очередь; перемена; пора, время' (у этимологически родственных неславянских слов также отмечаются значения 'перемена', 'время'): в этом семантическом комплексе просматривается древний обычай общинного выпаса скота и связанных с ним обязанностей.

Птицеводство занимало в хозяйстве древних славян подчиненную роль. Культивировались куры (**kura* / **kurica*, другие названия самки и самца — **kokošъ*, **kokotъ*, **kočеть*, **kogutъ*, **pěтьль*, **pěвьнь*, особые названия у наседки: **nasěđьka*, **kvoka* / **kvočьka*...), гуси (**gōsъ*, **gōsъka*, **gōsyni*, **gōserъ*, **gōsakъ*...), утки (**otъ* / **otъka* / **otica*, **selzeń*...). Кроме мяса (ср. **kurina* / **kuřetina*, **gōsina*...), домашняя птица давала хозяевам яйца (**aje* / **ajъse*...), перо (**pero*), пух (**puхъ*, **paperъje*). Имелись специальные постройки и приспособления для содержания домашних птиц (**kurъникъ*, **kurъna* 'курятник', **kurosadъ* / **kurosadъna*, **kurosěсть*, **nasěсть* / **nasěсть*, **sědadlo* 'насест'...). Заметная производительная потенция кур послужила причиной переноса их названий на половые органы (ср. **kurъ*, **kurъсь* 'membrum virile', **kurica* 'vulva'...), выработки особых обозначений для развратной женщины (**куру*, родит. пад. **куруве* 'meretrix' → русск. *курва*), что уже относится к области социальных фактов и представлений.

Говоря о сохраняющихся следах присваивающего типа хозяйства, нужно обратить внимание на одну из славянских номинаций важнейшей его составляющей — о х о т ы; этимологические связи данного наименования отражают самую сущность этого хозяйственного типа: **obx(v)ota* — **xotěti* — **xvatati* (ср. русск. диал. *охвота*, где *xv-* исконно) — далее к индоевроп. **sue-* 'свой'. Понятие 'охота', как нетрудно увидеть, восходит в конечном счете к идее 'освоения, присвоения'. Еще одно, для праславянского языка диалектное, название охоты — **pol' evanъje* — апеллирует в конце концов к представлению 'поля' как внешнего, дикого, пустого (= неосвоенного) пространства, противопоставленного пространству своему, пространству дома и селения, то есть опять-таки к идее освоения (ср. еще специализированное обозначение 'охоты в лесу' — **lěsovanъje*, **lěsovati*, которое не составляет обязательного коррелята к **pol' evati* в конкретных этнодиалектных традициях).

Славяне на охоте использовали различные палицы, рогаины, метательные снаряды (**kopъje*, **sudlica* и др.), им было знакомо лучное оружие (**lqкъ*, **teŭiva*, **strĕla*, **bъltъ* 'стрела'). Однако основным охотничьим снаряжением были многочисленные ловушки, силки, сети, западни (ср. **obsidlo*, **lĕкъ*, **lĕčъka* 'силок', **sĕтъ*, **teneto*, **merža* 'сеть', **klorъka*, **kl'usa*, **pastъ*, **zamъka*, **slorъ* / **slorъ* 'ловушка, капкан'..., **vъlkovъna*, **vъlčъja (j)ama* 'волчья яма'). О характере охоты свидетельствует основное ее наименование, хорошо согласующееся с типом преобладающих охотничьих орудий, — **lovъ*, **lovja*, **lovitva*. Сюда же относится и важный охотничий термин **oblova* / **oblava* 'облава', а также наименования специальных охотничьих угодий типа **lovišče*). Главными приемами охоты были устройства засады (**zasada*, **zasĕda*), подстерегание зверя (глаголы **stergi'i*, **debĕti*...), приманивание (**maniti*, **mamiti*...), преследование (**gъnati*, **gonъ*, **gonъba*...); многие, в том числе абстрактные, значения дериватов важного глагола **slĕditi*, **slĕdovati* восходят именно к его употреблению в охотничьей сфере. Наличие в праславянском словаре специализированных названий собаки (ее пород?) **хъртъ*, **lĕgavъjъ*, **vъžъbъ*, **vъlkodavъ* указывает на хорошее знакомство славян с псовой охотой. Для добывания птицы помимо стрельбы из лука и ловли сетями славянам были известны приемы с использованием клея растительного происхождения (**lĕръ*; ср. названия омелы, калины, из коры которой делали птичий клей, и др., мотивированные корнем **lĕp-*; само ботаническое название **emela* / **omela* этимологически связывают иногда с глаголом **jъmъ*, **jĕti*, ср. *возьму*, объясняя буквальное значение как 'хватаящая', так же толкуется одно из названий рябины — **berka*, русск. *берёка*) от основы глагола **berъ*, **brati*).

Рыболовство (**rybolovъ*, ср. название деятеля — **rybolovъсь*, **rybarъ*), будучи также второстепенной областью занятий, относящихся к добыванию средств существования, характеризовалось сравнительно невысокой степенью развитости, которая может быть реконструирована выявленным праславянским терминологическим инвентарем: **ostroga*, **body* 'острога', **qda*, **qdica*, **qdidlo* 'уда', **sĕтъ*, **dĕlъ*, **merža* 'сеть', **nevodъ*, **permetъ* 'перемет', **vъrša*, **košъ* 'корзина; верша', **nertъ* 'верша', **matica* 'матня невода', **qĕa*, **qĕaja*, **očъko* 'ячейка сети', **grqzido* 'грузило', **kukanъ*, **nizъka* 'кукан', **lĕsa*, **lĕšъka* 'плетенка, решетка, заграждение в реке', также 'леска', **zakolъ*, **ĕzъ*, **kotъсь* 'ез, закол; запруда'...; глагольные обозначения — **loviti*, **qđiti*, **biti*, **glušiti*, **batati* 'бить, колотить, глушить, пугать (рыбу)', **lĕkati* 'пугать (рыбу)', **ĕziti* 'ставить закол' и т. д. В славянских языках сохраняются термины, свидетельствующие о применении носителями праславянского языка ночной рыбной ловли на свет (**lučъnъje*, **lučъba* 'ночной лов рыбы': **lučiti* 'осветить' → 'целиться (в свете)' → 'попасть в цель').

К числу архаических черт древней славянской культуры относится сохранение примет доземледельческого существования, в частности сезонного собирательства. Объектом собирательства были дикие плоды (**plodъ*), ягоды (**agoda*, ср. **agodišče* 'ягодное место'), грибы (**goba*, **bъdla* / **bъdlica*, **gribъ*), орехи (**orĕхъ?* **obrĕхъ?*), желуди (**želqđъ*, **buku*), корни (**korenъ*, собирательное **korenъje*), кора, береста (**kora*, собирательное **korъje*; **bersta* / **bersto*), хворост (**xvorstъ*, **lomъ*, **xmuзъ* и др.), древесная смола (**smola*, **živica*...), березовый и кленовый сок (**sokъ*, **berzovica*...), различные травы (**trava*, **bylъ*, **bylъje*, **zelo*, **zelye*, **sĕno*...), исполь-

зюемые в пищу, в корм скоту (само слово *трав* этимологически связано с **traviti* / **truti* 'поедать', 'стравливать, кормить'), как лекарственные средства (ср. русск. *зелье* 'трава' → 'лекарство', др.-руссск. *зелейникъ* 'лекарь, знахарь'), для хозяйственных поделок и т. д. Трава, выросшая на месте покоса в тот же год, — **obtava*, производное от **tyti* 'набирать силу, набухать'. Древесный гриб использовался как трут (**trȳtь*) при добывании огня.

Названия некоторых растений отсылают к технологии собирательства: **brusъnica* 'брусника': **brusiti* 'срывать, счесывать' (объяснение небесспорно), **brъšъbъl' anь* / **brъšъbъlenь* 'бересклет; плющ': **brъsati* / **brъskati* 'срывать, сдирать', **česminь* / **česmina* 'разновидность дуба': **česati* 'обрывать (листья), чесать' (ср. названия чеснока, получившего их по характерному отделению долек друг от друга), **grabь*: **grebъ*, **grebti* (ср. латинское название граба *carpinus*: латин. *carpō* 'рвать, обрывать', литов. *skrōblas* 'граб': *skrabēt* 'скрести'), ср. еще, например, русск. диал. *руно* 'пучок хмеля с корнями' в связи с глаголом **rъvati*. Весьма характерным для этой технологии является применение специальных гребней (**greby*) для счесывания ягод, листьев и под.

Анализ славянских названий грибов показывает, что, несмотря на возможную древность микофагии как культурного явления, широкое употребление в пищу многих видов грибов, отличающее славян от соседей (германцы, финны, тюрки, кавказцы грибов не едят, а балты и романские народы употребляют другие виды), носит довольно поздний характер. По-видимому, оно должно быть отнесено ко времени самостоятельной эволюции отдельных славянских языков. Нет общеиндоевропейских наименований грибов, близкие формы в балтийских языках обнаруживает лишь слово **bъdla* / **bъdlica* 'гриб, блицы', ср. литов. *budē, budis*; даже немногие праславянские наименования обычно прозрачны по своему строению и, следовательно, относительно новы. Вероятно, первоначально в рацион были приняты грибы видов *Agaricus* (рыжики, лисички, грузди и др.) — их названия по говорам очень устойчивы, а грибы видов *Boletus* (белый, подберезовик и др.) значительно позже — их наименования в современных славянских говорах чрезвычайно пестры и многообразны. Наличие слова **syrojědja* 'сыроежка', возможно, указывает на употребление некоторых грибов в пищу в сыром виде, в отличие, например, от гриба **pečerica*, само название которого свидетельствует о способе его употребления.

Особое место в материальной культуре древних славян занимала такая отрасль собирательства, как б о р т н и ч е с т в о, трансформировавшееся впоследствии в усадьбное, пасечное пчеловодство. Праслав. **medь*, восходящее к индоевроп. **medhu-* 'мед', свидетельствует о продолжении славянами традиции, обнаруживающей глубокую архаику. Бортничество — это уже не примитивное ограбление дупел с пчелиными гнездами, а деятельность, направленная на то, чтобы сделать источники меда постоянными. Помимо названия меда, праславянский язык располагает такими терминами, как **bъčela* 'пчела', **rojь* 'рой', **bъrtь* 'борть' ← 'просверленное, вырезанное', ср. латин. *forare* 'просверливать, продырявливать', нем. *bohren* 'сверлить, буравить' (что говорит о значительном прогрессе по сравнению с простым дуплом, **dup(ь)lo* 'дыра, яма' ← 'глубокий'), **laziti* 'выбирать (мед, соты)', **lazivo*, **lazidlo* 'приспособление из веревок для взлезания на дерево с бортью', **lęglo* 'деревянное устройство

для влезания на дерево', **kuriti* 'выкуривать пчел дымом', **kolda* 'колода, примитивный улей', **ulьbь*, **bьdolь* / **dьbolь* 'улей', **koшь*, **koшьnica* 'плетеный (!) улей', **ležaja*, **ležакъ*, **ležанька*, **ležьнь* 'горизонтальный улей-колода', **svepetь* 'висячий улей', **letь*, **letькь*, **letva*, **čelesno* 'леток, отверстие в улье', **dьlзь* 'должея, планка, закрывающая отверстие улья', **pasěka* 'пасека' (первоначально — термин подсеционного земледелия, см. выше), **borotina* то же (буквально — 'место, где срублен лес'), **bьčelинь*, **bьčelьникъ* / **bьčelьnica* 'пасека', **děтьva*, **čьrva* 'детва, личинки пчел', **matera*, **matica*, **matьka* 'пчелиная матка', **ььskаль* 'пчелы-разведчицы', **trоть*, **trотьнь* 'трутень', **gnильсь* 'болезнь пчел', **вьзетькь* 'взяток', **lipьсь* / **lipовьсь* 'липовый мед', **vosкь* 'воск', **сьть* 'сота', **bьртньникъ* 'бортник', **bьrtoděьь*, **bьčel'arь* 'пасечник, пчеловод' и др.

Предназначенные в пищу продукты земледелия и животноводства и результаты присвоения (охоты, собирательства и т. д.) могли употребляться в сыром и приготовленном виде. Основные способы приготовления заключались в термической обработке — варке (глагол **variti*), выпечении (**pekt'i*), жарении (**žariti*, **smažiti*, **pražiti*), в сушении (**sušiti*) и вялении (**veдliti*), последнее также с возможным применением огня, заквашивании (**kysiti* / **kvasiti*), засолке (**soliti*).

Преобладающими блюдами у славян были различные, большей частью из продуктов растительного происхождения, похлебки (**ььjuxa*, отразившееся в русск. уха 'рыбный суп') и каши (*kaša*, по одной из имеющихся этимологических версий связанное с **kositi* и буквально означавшее 'сечка', ср. **рьšeno* и **krupa* в связи с глаголами **рьхати* 'толочь' и греч. κρούω 'бить, толкать' соответственно; этимология, связывающая слово **kaša* с **kvas-*, **kys-* 'квасить, кислый', неудовлетворительна).

Название хлеба **xlěbь* заимствовано славянами у германцев, ср. готск. *hlaifs*, др.-верх.-нем. *hleib* 'хлеб' и др., первоначально означавшего формованный хлеб, ср. связь герм. **hlaiba-* с греч. κλίβανος 'посуда для выпечки хлеба', значение совр. нем. *Laib* 'коврига, каравай, буханка', англ. *loaf* 'булка, буханка; голова сахара'. На части славянских территорий германское заимствование образовало оппозицию с исконным **kruhь* (первоначально — 'крошка, кусочек'), со специализацией первого в значении 'хлеб из кислого, дрожжевого теста', а второго — в обновленном значении 'пресный хлеб'. Название дрожжей (**droždььje* и др. суффиксальные оформления) объясняется как производное от глагола **drozгati* 'мельчить, раздавливать, месить' с естественным развитием семантики 'месиво' → 'бродящая жидкость' → 'закваска', ср. словен. *drōzga* 'месиво; виноградные выжимки'. Культурные ассоциации приготовления пищи вообще весьма значимы, вероятно, для любого этноса, а представления, связанные с выпечением хлеба, и особенно дрожжевого, вырастают в европейских этнокультурных традициях и, в частности, у славян в один из самых грандиозных культурных символов, соперничать с которым могут лишь некоторые символы, входящие к ткачеству и кузнечному мастерству.

Праславянская лексика, обозначающая различные виды и формы хлеба, довольно многочисленна: **lepexa*, **lepешька* 'лепешка', **kolačь* 'калач' (от **kolo* 'круг, колесо'), **kolbь* 'колоб', **korvajь* 'коровай, ритуальный, свадебный хлеб' (наверное, связано с названием коровы; об ассоциации девушки, здесь — невесты, и телки вскользь упоминалось выше), **кьрзьь* 'корж', **mlinь* 'блин, пирог' (не смешивать с омонимичным

Научное издание

Анатолий Федорович Журавлев

ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ

Ведущий редактор Е. Андреева
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены Е. Андреевой

Подписано в печать 06.07.2016. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 38. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: **(495) 624-35-92**. E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 **(499) 255-77-57**, e-mail: **gnoxis@pochta.ru**
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4